

НЕФТЕДОБЫЧА: ШАТКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ

Объемы добычи нефти — традиционно главный показатель отраслевого развития, да и благополучия страны в целом. Возможно, любовь к валовым показателям — это атавизм советского прошлого. Куда важнее экономические выгоды. Но в условиях неукротимого роста цен, который продолжался вплоть до середины 2008 года, прирост физических объемов добычи гарантировал более высокие доходы. Особенно для государства, которое собирает налоги и расходы с каждой тонны добытой и отправленной за рубеж нефти — невзирая на уровень расхождений, связанных с организацией нефтедобычи.

В этом позиции власти и бизнеса все больше расходятся: государству важны валовые показатели, нефтяникам — норма прибыли. Недовольство нефтяников таким положением дел уже привело к резкому замедлению темпов роста добычи во второй половине «нулевых» лет. И это на фоне более чем просто благоприятной конъюнктуры мировых рынков нефти. Проблемы обостряются, добывать нефть становится все дороже. И если государство не станет адекватно реагировать на возникающие у нефтяников сложности, добыча будет падать. Проиграет, прежде всего, государство.

Значительный рост добычи нефти стал главным отраслевым итогом 2000-х. За 10 лет объемы выросли в 1,5 раза (см. «Объемы добычи нефти и газового конденсата в России»). Этот сам по себе выдающийся результат особенно ярко смотрится на фоне апокалипсических ожиданий десятилетней давности.

Значительный рост добычи нефти стал главным отраслевым итогом 2000-х. За 10 лет объемы выросли в 1,5 раза

Взгляд из прошлого

Подготовленные Минтопэнерго РФ и опубликованные в «Вертикали» в начале 2000 года «Основные концептуальные положения развития нефтегазового комплекса России» рассматривали в качестве возможного варианта сокращение добычи нефти в течение десятилетия на четверть — до 230 млн тонн. Актуальная для того времени редак-

ция Энергетической стратегии России самым оптимистичным вариантом развития событий называла 15%-ный рост добычи нефти (до 350 млн тонн), но ее программой-минимум было не допустить падение годовых объемов добычи нефти ниже уровня 280 млн тонн.

Собственно, «концептуальные положения» Минтопэнерго имели целью предложить программу действий, которая бы позволила стабилизировать на десятилетнем отрезке уровень добычи нефти в коридоре 310–335 млн тонн. Для того времени это была достаточно дерзкая идея. И чтобы достигнуть поставленную цель, как считало министерство, требовались экстраординарные усилия.

Цена вопроса была очень высока, а его значение выходило за рамки внутриотраслевой проблематики. В случае снижения добычи правительству пришлось бы делать болезненный выбор между удовлетворением топливных потребностей внутреннего рынка и обеспечением экономи-

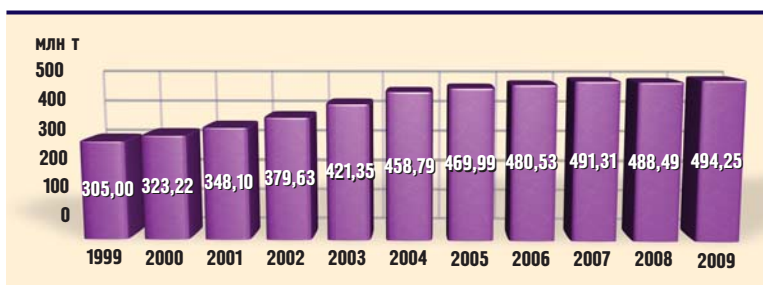
ки страны нефтедолларами. Сохранение объемов экспорта могло привести к 20%-ному дефициту нефти внутри страны. А резкое сокращение экспорта углеводородного сырья было чревато углублением бюджетных проблем, не говоря уже об опасности безвозвратной потери с трудом завоеванных в советском прошлом сегментов западных энергетических рынков.

«Следовательно, обеспечение условий для наращивания уровня добычи и экспорта НГК в течение следующего десятилетия является важнейшей государственной задачей, от выполнения которой зависит быстрота и успешность (эффективность) выхода страны на траекторию устойчивого и качественного экономического роста», — резюмировало Минтопэнерго.

Министерство настаивало на необходимости кардинально изменить сложившиеся к тому времени тенденции (в их числе: ухудшение процессов ВМСБ, дефицит и дальнейшее сокращение инвестиций, растущие издержки энергопотребителей, фискальная ориентация налоговой политики, низкая эффективность госуправления комплексом).

В числе ключевых направлений интенсивной целенаправленной работы Минтопэнерго называло существенное улучшение инвестиционного климата путем совершенствования кредитно-финансовой, ценовой и налоговой политики, нормативно-правового

Объемы добычи нефти и газового конденсата в России

обеспечения. Было подсчитано, что необходимо утроить приток инвестиций, как минимум, на 70% нарастить объемы разведочного бурения и в два-три раза — эксплуатационного.

Спустя десять лет можно констатировать, что за минувшие годы никаких кардинальных перемен в решении фундаментальных отраслевых проблем не произошло (во всяком случае, со знаком «плюс»). Но зато результаты значительно превзошли самые оптимистичные ожидания.

Означает ли это, что профильное министерство устроило панику на пустом месте? Ответ на этот вопрос сегодня имеет, пожалуй, первостепенное значение. Ведь практически все нынешние предостережения, опасения и рекомендации специалистов повторяют выводы десятилетней давности. Стоит ли к ним прислушиваться? Или можно от них отмахнуться, уповая на неистощимый запас прочности, проверенный и подтвержденный успехами прошлых лет?

Прогнозам вопреки

Вряд ли можно оспорить тот очевидный факт, что «болевые точки», выявленные и названные специалистами Минтопэнерго, определены верно. Уже одно то, что за продолжительный период проблемы не рассосались, не забылись и продолжают беспокоить специалистов, говорит о многом.

Но как случилось, что ожидаемого краха не произошло? Не видно сколь-либо значимого прогресса в восполнении ресурсной базы, освоении новых месторождений, инвестиционном процессе, бурении — разведочном и эксплуатационном. Налоговый пресс стал более жестким, независимые производители существуют в роли пасынков, жестко фильтруются иностранные инвестиции.

По большому счету, не сделано ничего из предложенного еще десять лет назад — а добыча нефти неуклонно растет. Почему? Можно отметить два лежащих на поверхности обстоятельства, которые не учли, да и не могли предвидеть специалисты «старой школы».

Во-первых, они исходили из посылки, что месторождения должны разрабатываться рационально и бережно, в полном соответствии с утвержденными технологическими схемами. Но, пользуясь беспечностью государства, не особо интересовавшегося в течение первой половины десятилетия организацией работ и выполнении лицензионных обязательств, недропользователи оптимизировали добычу на свой лад — путем активного выборочного отбора наиболее легких в разработке запасов и агрессивного применения методов интенсификации нефтедобычи.

Откровенно слабый контроль государства за соблюдением лицензионных условий, снижение планки требований в отношении рационального недропользования позволили ряду ведущих нефтяных компаний с минимальными затратами наращивать добычу, получая сверхприбыли и записывая в актив стремительный рост рыночной капитализации.

И если «нефтяные генералы» старой закалки (в частности, руководители ЛУКОЙЛа, «Сургутнефтегаза» и «Роснефти») все же не могли позволить себе «полный беспредел», то пришедшие в отрасль на волне рынка и приватизации владельцы ЮКОСа и «Сибнефти» не были отягощены «пержитками» профессиональной этики и стремились любыми доступными способами интенсифицировать добычу дешевой в разработке нефти.

Этот ресурс недолговечен. Он обеспечил подъем уровня нефтедобычи в течение первой половины минувшего десятилетия, но ценой ускоренного истощения наиболее рентабельных запасов и необратимого ухудшения состояния месторождений. Например, «Сибнефть», сумевшая за 2000–2004 годы удвоить добычу нефти, одной из первых в отрасли начала терять объемы: к настоящему времени они сократились у компании (теперь это «Газпром нефть») на 12% от максимального результата.

Не считая разгромленного до основания ЮКОСа, больше за этот период потеряла только «Славнефть», которая также

была в числе лидеров гонки за экстремально высокие результаты, за 2000–2004 годы нарастила объемы добычи на 76% (преимущественно, за 2003–2004 годы — сразу после приватизации) и с этого «пика» упала более чем на 14%.

По большому счету, не сделано ничего из предложенного еще 10 лет назад — а добыча нефти неуклонно растет. Почему?

К середине 2000-х высокорентабельные в разработке запасы нефти, доставшиеся компаниям по итогам приватизации, были уже серьезно истощены. Потребовалось вкладывать больше денег в разработку месторождений. К тому же государство приступило к «закручиванию гаек»:

Откровенно слабый контроль государства позволил ряду ВИНК с минимальными затратами наращивать добычу, получая сверхприбыли и записывая в актив стремительный рост рыночной капитализации

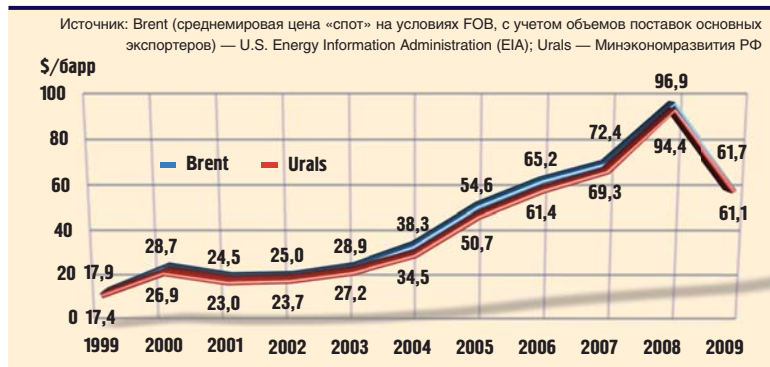
последовательно ужесточались требования к соблюдению лицензионных условий и использованию фонда скважин, увеличилась налоговая нагрузка.

Новые обстоятельства заметно ухудшили комфортность бизнеса. Но и это не привело к обвалу нефтедобычи. На этот раз помогли внешние силы.

К середине 2000-х высокорентабельные в разработке запасы нефти, доставшиеся компаниям по итогам приватизации, были уже серьезно истощены. Потребовалось вкладывать больше денег в разработку месторождений

Второй момент, который не могли предвидеть специалисты Минтопэнерго, — экстремально активный рост цен на мировом рынке нефти. «Концептуальные положения» готовились, когда среднегодовая цена барреля

Среднегодовые цены нефти Brent и Urals

нефти Urals была \$17,4. К 2004 году она выросла вдвое, спустя год превысила \$50 и продолжила рост вплоть до 2008 года, достигнув среднегодового уровня \$94,4 за баррель (см. «Среднегодовые цены нефти Brent и Urals»).

Страну захлестнул поток нефтедолларов. Он поглотил нега-

ло приобретать уже готовые активы с предсказуемой и достаточно быстрой отдачей.

В 8,6 раза вырос за 2000-е годы уровень добычи у «Роснефти» — это, прежде всего, результат агрессивных поглощений (кстати, и Ванкор — один из самых значимых проектов десятилетия — начался с поглощения «Роснефтью» Anglo Siberian Oil Company и вытеснения из проекта французской Total). «Газпром» приобрел «Сибнефть», переименовав ее в «Газпром нефть». Затем российский газовый гигант при напористом содействии государства потеснил иностранных инвесторов и стал старшим акционером проекта «Сахалин-2».

В результате образования ТНК-ВР к Тюменской нефтяной компании были присоединены СИДАНКО и еще ряд менее значимых добывающих предприятий. Вслед за этим ТНК-ВР и «Сибнефть» выкупили на двоих «Славнефть». Несколькими выгодными профильными покупками осуществил ЛУКОЙЛ. Даже появление новой вертикально интегрированной компании «РуссНефть» не дало созидательного эффекта: все свелось к объединению под одной вывеской большого числа ранее разрозненных предприятий.

Между тем, слияния и поглощения, отвечающие интересам отдельных компаний, не приносят ощутимой пользы отрасли в целом (от перемены мест слагаемых сумма не меняется). Скорее, можно говорить об отрицательном общеотраслевом эффекте. Ведь колоссальные инвестиционные ресурсы, которые потенциально предназначались для соз-

дания новых производственных активов, расходуются на куплю-продажу и фактически вымываются из отрасли.

Причем, расходы колоссальные. «Газпром» заплатил \$13,7 млрд за 75,7% акций «Сибнефти», а контроль над проектом «Сахалин-2» обошелся ему в \$7,45 млрд. «Роснефть» потратила \$9,35 млрд на «Юганскнефтегаз» и около \$21 млрд на другие активы ЮКОСа. И это только самые крупные и резонансные приобретения последних лет.

С точки зрения компаний-покупателей приобретение готовых активов — несравнимо более выгодное вложение, чем долгий процесс реализации собственных проектов. Но денег, потраченных на куплю-продажу готового бизнеса, хватило бы еще на четыре Ванкора.

Это не претензия к компаниям, которые стремятся оптимизировать финансовые потоки всеми доступными средствами. Но это повод оценить эффективность и реальную направленность государственной отраслевой политики. Тем более что самые громкие приобретения совершали непосредственно контролируемые государством компании, более того, при самой непосредственной поддержке властных структур.

Разумеется, слияния и поглощения играют определенную положительную роль в увеличении производства, оптимизации управления и росте эффективности. Опасно, когда такая практика становится магистральным направлением отраслевой политики государства. По большому счету, это уход от реальных проблем.

Иллюзия благополучия

Бурный рост цен на нефть позволил смикшировать эффект негативных отраслевых тенденций, которые с годами продолжали накапливаться. Высокие цены увеличили запас прочности нефтяных компаний. Но они же создали иллюзию благополучия, сформировали устойчивое мнение, что отрасль крепко стоит на ногах, не нуждается ни в помощи, ни в поддержке.

Избежать падения объемов добычи помог активный рост цен на нефть: с \$17,4 за баррель в 1999 году до \$94,4 в 2008 году

тив агрессивной фискальной политики государства и изъяны правового регулирования. Он расширил возможности рентабельной разработки старых месторождений (за счет массового внедрения технологий интенсификации добычи и возвращения к жизни ранее законсервированных скважин), позволил отложить еще на годы разработку новых месторождений и формаль-

Страну захлестнул поток нефтедолларов. Однако инвестиционный климат не улучшился. Стало выгоднее приобретать уже готовые активы с предсказуемой и достаточно быстрой отдачей

но заниматься восполнением ресурсной базы.

Однако инвестиционный климат не стал лучше. Компании крайне неохотно вкладывали (и вкладывают) деньги в новые крупные проекты с длительной окупаемостью капиталовложений. Более выгодно и менее рискованно бы-

В том, что это не так — проблемы есть и их уже не затмевают даже запредельно высокие цены на мировых энергетических рынках, — можно убедиться, проанализировав динамику отечественной нефтедобычи (см. «Темпы прироста нефтедобычи в России»). Начиная с 2004 года развивается тенденция затухания активности.

Если за первые четыре года 2000-х темпы прироста добычи нефти выросли с 6% до 11%, то в 2005–2007 годах они застыли на уровне 2,44–2,24%, а в 2008 году добыча ушла в абсолютный минус — впервые за десятилетие. В прошлом году позитивная динамика вроде бы восстановилась, но на самом низком за рассматриваемый период уровне — 1,18%.

Перелом, наступивший в середине десятилетия, кураторы отрасли от правительства объясняли совокупностью причин: недостаточной активностью нефтяных компаний по подготовке новых добычных мощностей на фоне исчерпания возможностей роста добычи на старых месторождениях; снижением добычи нефти у ЮКОСа (который государство в то время начало разваливать); увеличением налоговой нагрузки; повышением транспортных тарифов и снижением привлекательности экспорта нефти железнодорожным и речным транспортом.

Все справедливо. Но очевидно, что большая часть всего этого негатива спровоцирована действиями (или бездействием) властей. Так, по наблюдениям президента Института энергетической политики В.Милова, затеяв передел собственности и закрыв двери для иностранных инвесторов, государство начало гасить очаги роста.

Ренационализация сектора и дестабилизация инвестиционного климата привели к продолжительной задержке со вводом в разработку целого ряда крупных месторождений, которые могли поддержать дальнейший рост добычи. Значительно ухудшили работу бывшие предприятия ЮКОСа — в середине десятилетия они не добавляли по 10 млн тонн нефти в год.

Добыча «Славнефти» упала из-за управленческого паралича. А «Сургутнефтегаз», накопивший уже к середине периода значительные свободные денежные средства, не имел возможности вложить их в новые перспективные проекты, к которым компания попросту не допускали.

Показательно, что отечественная нефтедобыча перестала адекватно реагировать на мировую конъюнктуру. Период 2005–2008 годов, когда цены на нефть росли особенно активно, был отмечен худшей за десятилетие динамикой российской добычи нефти. В 2008 году, когда цены достигли пика, добыча упала. Зато в кризисном 2009 году нефтедобыча вышла на исторический максимум (если говорить о новейшей истории, в советском прошлом на территории России добывали и более 540 млн тонн за год).

Потенциал роста добычи, заложенный в прошлые десятилетия, неминуемо затухает. Полноценной замены стареющим месторождениям-ветеранам не создано. Время упущено. И теперь основной заботой ведущих компаний становится не столько рост добычи, сколько противостояние тенденции ее сокращения.

Немаловажно, что рост физических объемов все меньше заботит самих нефтяников. Главное — эффективность: оптимизация расходов и рост прибыли. Однако государство продолжает диалог с отраслью через призму валовых показателей. В той же ЭС-2030 приводится множество контрольных цифр по физическим объемам (добычи, разведки, бурения, переработки, экспорта), а экономические аспекты сводятся к подсчету капитальных затрат. Окупаемость и эффективность соот-

ветствующих вложений в расчет не принимаются.

На практике это означает, что интересы государства, которое получает фиксированную (и высокую) долю с каждой тонны добытой нефти, и нефтяников, стремящихся заработать прибыль, все больше не совпадают. Возникают ситуации, когда бизнесу невыгодны дополнительные вложе-

Высокие цены увеличили запас прочности нефтяных компаний. Но они же создали иллюзию благополучия, сформировали устойчивое мнение, что отрасль крепко стоит на ногах, не нуждается ни в помощи, ни в поддержке

ния в улучшение объемных показателей — они не окупаются.

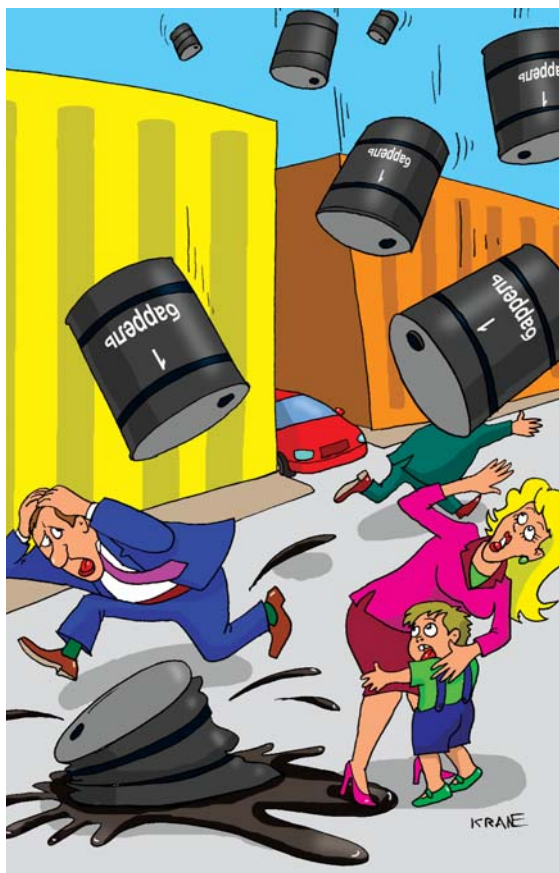
От неэффективных расходов сегодня воздерживается даже «Сургутнефтегаз» — компания, которая в прошлые годы больше заботилась о росте валовых показателей. Еще в 2007 году руко-

Дестабилизация инвестиционного климата привела к продолжительной задержке с вводом в разработку целого ряда крупных месторождений, которые могли поддержать дальнейший рост добычи

водство компании утверждало, что имеет реальную возможность увеличить добычу до 70–80 и даже 100 млн тонн нефти в год (при сложившемся в то время уровне добычи в районе 65 млн тонн). Но при этом гендиректор НК Владимир Богданов добавил: «Нужно только считать, насколько это экономически эффективно в тех

Темпы прироста нефтедобычи в России

или иных условиях». За последние три года «Сургутнефтегаз» сократил добычу на 9% — выходит, так выгоднее.

И совсем уже откровенно заявил свою позицию ЛУКОЙЛ. В ноябре прошлого года компания представила новую стратегию развития, ключевыми акцентами которой стали рост стоимости

Минувший год показал, что экономический кризис не оказал на отечественную нефтедобычу пагубного влияния. Похоже, что он даже несколько взбудрил нефтяников

компании и ее финансовой устойчивости, оптимизация уровней добычи, сокращение капитальных затрат (прежняя концепция характеризовалась как стратегия агрессивного роста).

Иначе говоря, официально провозглашен переход от экстенсивной модели роста добычи к эффективной. Учитывая, что ЛУКОЙЛ и раньше очень внимательно относился к эффективности собственного бизнеса, те-

перь можно ожидать существенного замедления темпов роста валовых показателей, или даже плавного снижения объемов добычи: лучше меньше, да лучше. А исходя из того, что речь идет о крупнейшей частной компании отрасли, ее позиция способна привести к корректировке курса других компаний, что неминуемо скажется и на ситуации в отрасли в целом.

2009: антикризисная мобилизация

В 2009 году в России было добыто 494,25 млн тонн нефти и конденсата. Это на 5,76 млн тонн больше, чем годом ранее (+1,18%). Предыдущий рекорд, зафиксированный в 2007 году, улучшен на 2,94 млн тонн (всего лишь на 0,6%).

Темпы роста довольно скромные. Но есть два обстоятельства, которые дают повод высоко оценить и такой успех.

Во-первых, речь идет о периоде мирового кризиса, и в начале года ожидания были отнюдь не радужные. Минувший год показал, что экономический кризис не оказал на отечественную нефтедобычу пагубного влияния. Похоже даже, что он несколько взбудрил нефтяников, вынудил их мобилизовать силы и ресурсы.

Во-вторых, после снижения объемов добычи в 2008 году усилились опасения, что отрасль уже не вернется к позитивной динамике — минувший год показал, что необратимого ухудшения ситуации пока не произошло.

Это важные сигналы, хотя преувеличивать их значение не стоит. Более детальное изучение производственных результатов 2009 года указывает на целый ряд сохраняющихся тревожных симптомов. И нынешний год должен показать, отражают ли показатели 2009 года реальное оздоровление ситуации или это всего лишь результат удачного стечения обстоятельств.

Прежде всего, обращает на себя внимание продолжающееся уже второй год подряд снижение уровня добычи в крупнейшем нефтедобывающем регионе страны — ХМАО. Округ обеспечивает более

половины российской нефтедобычи (54,7% по итогам 2009 года). И, естественно, он играет ключевую роль в отраслевом развитии.

В прошлом году добыча нефти здесь снизилась на 2,6%. В абсолютном выражении недополучено 7,2 млн тонн. Учитывая, что в обозримом будущем за округом сохранится роль крупнейшего поставщика нефти (достойной альтернативы попросту нет даже на горизонте), стабилизация добычи на территории Югры будет иметь принципиальное значение для отрасли в целом.

Официальной причиной снижения добычи в регионе называют естественное истощение базовых месторождений. Однако немаловажную роль играет и отношение властей к происходящим здесь процессам.

Пока складывается впечатление, что федеральное правительство смирилось с тем, что добыча здесь будет падать, и не намерено предпринимать активных шагов по стимулированию позитивных процессов. В отличие от новых регионов, где нефтяникам обещаны льготы, ХМАО обделен таким вниманием. При том, что ресурсный потенциал региона, обладающего хорошо развитой инфраструктурой и квалифицированным персоналом, далеко не исчерпан.

Нефтяные месторождения Уральского и Приволжского федеральных округов обеспечивают наибольший вклад в добычу нефти. В 2009 году, по данным Минэкономразвития, на их долю пришлось около 63% и 20,7% совокупной добычи по стране.

Стремление правительства развивать добычу в новых регионах заслуживает похвалы. Но развитие одних географических сегментов в ущерб другим вряд ли можно назвать рациональным.

Качество запасов Западной Сибири ухудшается, но они огромны. Они могут быть привлекательными для разработки, если власти предложат адекватные механизмы правового регулирования и скорректируют налоговый режим. Разговоры об этом ведутся много лет — пока безрезультатно.

Между тем, добыча в базовом для отрасли регионе сокращает-

ся. И не факт, что новые регионы полностью справятся с задачей компенсации выпадающих объемов нефти.

ВИНК: тяжелая поступь

Другой заслуживающий внимания факт — стабильное на протяжении четырех последних лет отставание ВИНК от общепромышленной динамики добычи нефти. По результатам 2007 и 2009 годов объемы их добычи увеличились на 0,3%, в 2008-м — упали на 0,9%.

В прошлом году крупнейшие компании отрасли, на долю которых по совокупному результату десятилетия приходится 90% национальной нефтедобычи, добыли 438,13 млн тонн — меньше, чем в 2006 году. Опять же, на фоне максимального уровня добычи в целом по отрасли (см. «Динамика добычи нефти и газового конденсата»).

Начиная с 2006 года группа ВИНК понемногу, но стабильно сокращает долю своего вклада в российскую нефтедобычу: с 92,4% пять лет назад до 88,6% по результатам прошлого года.

Не факт, что это плохо. Расширение круга добывающих компаний, развитие конкуренции, укрепление независимого сегмента пойдут на пользу общему делу. Беспочвенно, что сегмент «альтернативной» нефтедобычи развивается во многом стихийно, без видимой поддержки со стороны государства. Да и о развитии сегмента в целом можно говорить разве что с большой натяжкой: статистику группы «не-ВИНК» вытягивают крупнейшие производители — их единицы.

Тенденция снижения доли ВИНК в национальной нефтедобыче указывает на то, что правительству и законодателям следовало бы больше внимания уделять отряду независимых. Тем более что структура запасов меняется в направлении увеличения доли небольших по объему месторождений, разрабатывать которые сподручнее небольшим компаниям. Однако власти сохраняют ориентацию на крупные нефтедобывающие компании.

Впрочем, в последнее время и результативность господдержки ВИНК оставляет желать лучшего. По итогам 2009 года четыре из пяти ведущих нефтяных компаний страны сократили добычу, а еще одна — «Татнефть» — увеличила добычу менее чем на 0,2% (то есть показала динамику роста в шесть раз меньшую среднеотраслевой).

До 2005 года сокращение объемов добычи было в среде ВИНК крайне редким событием. А в течение последнего пятилетия снижение этого ключевого производственного показателя приобрело обыденный характер. Ежегодно от трех до семи ВИНК ухудшают производственную результативность. В этом смысле прошлогодний итог не самый плохой. И все же, когда каждая вторая ВИНК сокращает добычу, это говорит о том, что ситуация нестабильна.

На десятилетнем отрезке только «Роснефть» и «Татнефть» ни разу не снизили объемы добычи. Уверенная поступь госкомпании удивления не вызывает: она покупала крупные активы, да и чувствовала себя под покровительством главного акционера страны комфортно и уверенно. Что касается «Татнефти», то эта компания, работающая на старых месторождениях, не ставила перед собой амбициозных целей, а концентрировала усилия на сохранении объемов добычи.

Такая политика (во многом вынужденная) обеспечила компании 7%-ный прирост производства, что на фоне полуторной прибавки в целом по отрасли выглядит бо-

Россия вышла на рекордный уровень добычи нефти. А крупнейшие компании отрасли добыли нефти меньше, чем в 2006 году

лее чем скромно. Зато компания успешно решила ключевую для нее задачу обеспечения стабильной работы. Бережное отношение к ресурсной базе создает хорошие предпосылки для уверенности в будущем.

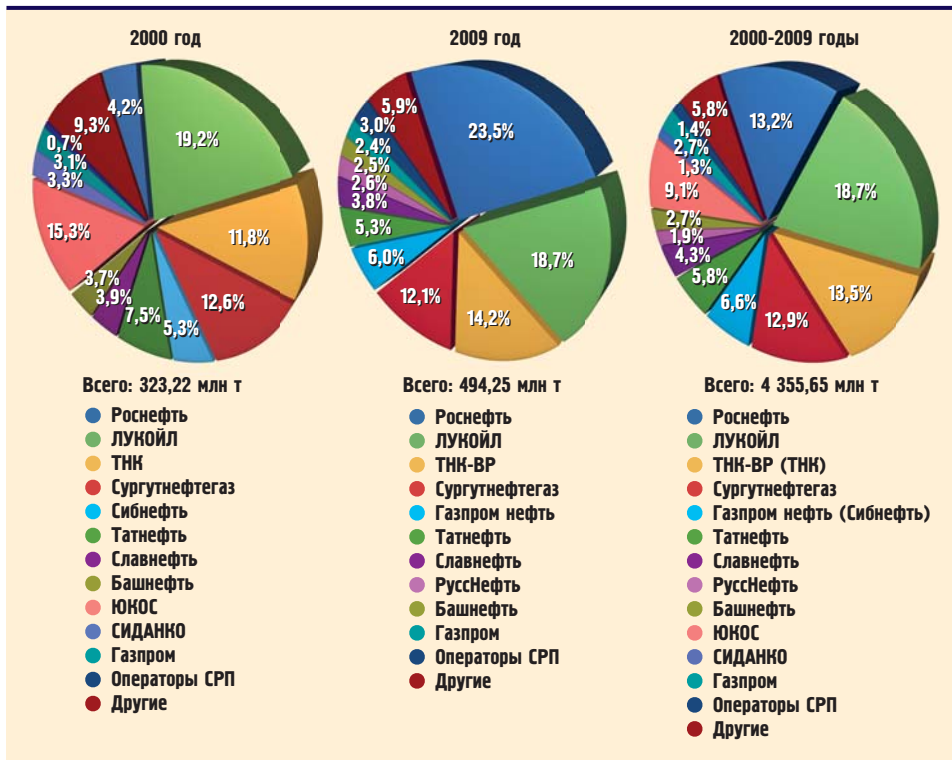
Тенденция снижения доли ВИНК в национальной нефтедобыче указывает на то, что правительству и законодателям следовало бы больше внимания уделять отряду независимых

Однажды за рассматриваемый период «оступился» ЛУКОЙЛ: в 2008 году компания задержала ввод в эксплуатацию Южно-Хлыучинского месторождения, что не позволило ей избежать эпизодического снижения уровня нефтедобычи.

Самый продолжительный спад переживает «Газпром нефть» — он длится уже пять лет. За это время объемы добытой нефти сокра-

Динамика добычи нефти и газового конденсата, млн тонн

	2009 г.	2008 г.	2004 г.	2000 г.	2009/2008	2009/2004	2009/2000
Роснефть	116,29	113,85	21,60	13,47	102,14%	в 5,4 раза	в 8,6 раза
ЛУКОЙЛ	92,18	90,25	84,07	62,18	102,14%	109,65%	148,25%
ТНК-ВР (ТНК+ СИДАНКО)	70,24	68,79	70,52	49,04	102,11%	99,60%	143,23%
Сургутнефтегаз	59,63	61,68	59,62	40,62	96,68%	100,02%	146,80%
Газпром нефть (Сибнефть)	29,88	30,73	34,00	17,20	97,23%	87,88%	173,72%
Татнефть	26,11	26,06	25,10	24,34	100,19%	104,02%	107,27%
Славнефть	18,89	19,57	22,01	12,50	96,53%	85,82%	151,12%
РуссНефть	12,69	14,25	8,79	—	89,05%	144,37%	—
Башнефть	12,23	11,74	12,07	11,94	104,17%	101,33%	102,43%
ЮКОС	—	—	85,68	49,55	—	—	—
Всего ВИНК	438,13	436,92	423,45	280,84	100,28%	103,47%	156,01%
Газпром	12,03	12,72	11,96	10,01	94,58%	100,59%	120,18%
Операторы СРП	14,78	11,98	2,37	2,19	123,37%	623,63%	674,89%
Прочие недропользователи	29,31	26,87	21,02	30,18	109,08%	139,44%	97,12%
Всего по России	494,25	488,49	458,81	323,22	101,18%	107,72%	152,91%

тились с 34,0 млн тонн в 2004 году до 29,9 млн тонн по итогам 2009 года, более чем на 12% (сильнее всего в 2008 году — на 5,6%).

С 2006 года не может остановить падение «Славнефть». Правда, отрицательная динамика постепенно затухает: если в 2007 году добыча упала на 10,3%, то в следующие два года — на 6,4% и 3,5% соответственно.

До 2005 года сокращение объемов добычи было в среде ВИНК крайне редким событием. А за последние годы оно приобрело обыденный характер

В течение трех последних лет сокращает объемы добычи «Сургутнефтегаз» (в сумме на 9%). Возможно, это сознательное решение: пока у компании недостаточно собственных мощностей переработки. Кроме того, как уже было отмечено, в последние годы «Сургутнефтегаз» стал больше внимания уделять финансовой эффективности своей деятельности — компания больше не стремится к росту добычи любой ценой.

ТНК-ВР снижала объемы добычи в период с 2006-го по 2008 год (в общей сложности на 8,7%). В существенной мере это связано с оптимизацией структуры производственных активов: недостаточно рентабельные производства продавались. В прошлом году компания возобновила позитивную динамику благодаря реализации ряда новых проектов. Правда, пока по объемам добычи ей удалось вернуться лишь к уровню 2004 года.

Еще раньше — в 2008 году — преодолела трехлетний спад добычи «Башнефть». По итогам прошлого года она обеспечила самый высокий среди ВИНК прирост добычи — 4,2% (на фоне среднего показателя по ВИНК +0,3%). По условиям работы «Башнефть» похожа на «Татнефть» и задачи ставит аналогичные. Правда, по итогам 2000-х ей удалось увеличить добычу лишь на 2,4% — это самый скромный результат среди ВИНК России.

Что касается неинтегрированных нефтедобывающих компаний, то для этой категории период снижения объемов добычи, начавшийся в 2002 году, завершился

еще к 2006 году. На этом временном отрезке большая группа независимых волилась в состав «РуссНефти», да и другие ВИНК охотно прибирали к рукам наиболее успешных производителей.

Вряд ли нуждается в дополнительных комментариях обвальное сокращение добычи в 2005 году у ЮКОСа: у крупнейшей в то время нефтяной компании страны государство отобрало главное дочернее подразделение — «Юганскнефтегаз», а впоследствии — и все остальные добывающие и перерабатывающие производства.

Остальные случаи снижения объемов добычи отдельными компаниями эпизодичны и не поддаются систематизации.

Слагаемые роста

За «нулевые» годы вклад нефтяных компаний в общероссийскую добычу значительно изменился. Доля ЛУКОЙЛа сократилась всего-то с 19,2% до 18,7%, но если в 2000 году компания лидировала с большим отрывом, то в 2009-м она лишь на втором месте. Колоссальный рывок совершила за это время «Роснефть», увеличившая долю со скромных 4,2% до 23,5% (компания хорошо помог главный акционер — государство, благодаря которому были приобретены практически все добывающие активы ЮКОСа). Нынешняя доля ТНК-ВР несколько меньше суммарного вклада ТНК и СИДАНКО десятилетней давности, но объединенная компания закрепились на третьем месте. А по уровню добычи в целом за десятилетие ТНК-ВР уступает только ЛУКОЙЛу. «Роснефть» — на третьем (см. «Доли компаний России в добыче нефти»).

О позитивной динамике по итогам прошлого года отчитались все три крупнейшие компании страны: «Роснефть», ЛУКОЙЛ и ТНК-ВР. Успех лидеров обеспечен, прежде всего, вводом новых месторождений: Ванкорского («Роснефть»), Южно-Хыльчужского (ЛУКОЙЛ), а также реализацией Уватского, Каменного и Верхнекончонского проектов (ТНК-ВР).

В плюсе закончили год еще две ВИНК — «Татнефть» и «Башнефть». Однако существенного влияния на общепромышленную динамику их успех не оказал. Прибавка составила 0,54 млн тонн (0,11% к уровню общероссийской добычи).

Впрочем, и вся группа ВИНК оказалась не на высоте. При суммарном годовом приросте российской нефтедобычи на 5,7 млн тонн, общий вклад ВИНК — 1,21 млн тонн. А если к этой группе отнести и «Газпром», уронивший добычу на 0,69 млн тонн, тогда и вовсе 0,52 млн тонн — даже меньше, чем прирастили «Татнефть» с «Башнефть».

Вывод очевиден: крупнейшие компании страны едва справляются с проблемой падающей добычи на старых месторождениях. Запоздалый и эпизодический ввод новых месторождений пока не решает даже этой проблемы, не говоря уже об осязаемом приросте добычи.

Основной вклад в прошлогодний прирост добычи внесли операторы СРП (+2,8 млн тонн) и независимые производители (+2,44 млн тонн). Они улучшили результаты 2008 года на 23,4% и 9,1% соответственно. Впрочем, что касается независимых, фактор «средней температуры по больнице» сильно искажает картину: особняком стоят три крупнейшие компании с высокой динамикой роста, остальные чаще всего, не живут, а выживают.

Вопреки укоренившемуся мнению, отнюдь не ввод Ванкора обеспечил России выход на рекордный уровень добычи. Из 3,64 млн тонн, добытых в прошлом году на месторождении, треть ушла на возмещение падающей добычи других предприятий «Роснефти». Остальные 2,44 млн тонн прироста сопоставимы с вкладом независимых, которые добывают нефти в четыре раза меньше.

Вообще, цифры годового прироста не следует отождествлять с реальными достижениями минувшего года. Значительная часть приращенных объемов добычи получена статистически.

Так, в конце 2008 года Sakhalin Energy, оператор СРП «Сахалин-2», осуществил долгождан-

ный переход на круглогодичную добычу (раньше она была сезонной). Соответственно, добыча в промежутке с января по июль 2009 года включительно работала на улучшение годовой отчетности. А это — 2,78 млн тонн прибавки к годовому результату: практически весь прирост по СРП и почти половина общепромышленного прироста.

То же самое Южное Хыльчую, совместный проект ЛУКОЙЛа и СопосоPhillips, вступивший в стадию промышленной эксплуатации в конце августа 2008 года. За первую половину 2009 года это позволило улучшить отчетные показатели примерно на 3 млн тонн. Минувший год ЛУКОЙЛ закончил с прибавкой 1,93 млн тонн — меньшей, чем добавил к статистике поздний ввод месторождения годом ранее.

В сентябре 2008 года было введено в эксплуатацию Верхне-чонское месторождение (оператор — ТНК-ВР). В 2009 году добыча января-августа составила 0,6 млн тонн. Это еще один статистический плюс к добыче соответствующего периода.

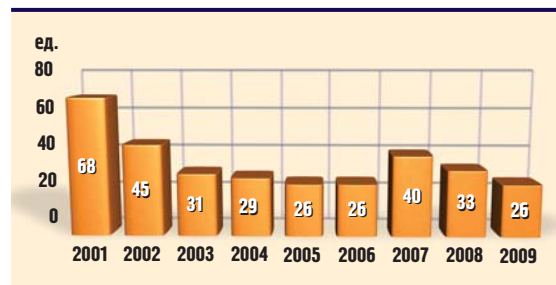
Получается, что прошлогодний рост добычи в значительной мере является результатом задержек с вводом ряда важных для отрасли проектов в предыдущем периоде. Об этом нужно говорить: не для того, чтобы приуменьшить значимость тех редких, к сожалению, крупных проектов, реализованных за последнее время, а для того, чтобы реально оценивать ситуацию в отрасли.

Объема работ, проведенных в 2009 году, явно недостаточно для стабилизации нефтедобычи. Ввод Ванкора и Уватского проекта, реального увеличения производственной мощности Южного Хыльчую оказалось недостаточно для решения в границах 2009 года проблемы падающей добычи на территории России.

Новые месторождения: слабая поддержка

Очевидно, что перспективы устойчивого развития отрасли во многом зависят от результативности работы по вводу новых

Ввод новых месторождений в России

месторождений, которые должны, как минимум, возместить потери от естественного падения добычи на старых месторождениях. За 2001–2009 годы на территории России было введено в эксплуатацию 324 новых месторождения.

Крупнейшие компании страны едва справляются с проблемой падающей добычи на старых месторождениях. Запоздалый и эпизодический ввод новых месторождений пока не решает даже этой проблемы

В целом, прослеживается тенденция на сокращение числа вводимых месторождений (даже притом, что сами месторождения мельчают). Снижение значительное: с 68 месторождений, введенных в 2001 году, до 26 месторождений в 2005, 2006 и 2009 годах. В 2007 году вроде бы наметился всплеск активности (40 месторождений), но уже со следующего года динамика начала затухать (см. «Ввод новых месторождений в России»).

Цифры годового роста не следует отождествлять с реальными достижениями минувшего года. Значительная часть приращенных объемов добычи получена статистически

Отраслевая статистика отслеживает судьбу месторождений, официально введенных за последнюю пятилетку. То есть, например, Талаканского месторождения, активную разработку которого «Сургутнефтегаз» начал в 2008 году, в этом списке нет, так как официально эксплуатация началась еще в 1990-е годы.

По количеству новых месторождений лидирует ЛУКОЙЛ (52 месторождения, введенных за пять лет, 28,9% общеотраслевого результата). На втором месте — «Татнефть» (22 месторождения, 12,2%). «Роснефть», крупнейшая ВИНК, ввела в эксплуатацию всего 16 месторождений, 13 из которых — за два последних года. Меньше всех из числа ВИНК ввели новых месторождений «Славнефть» (2) и предприятия «РуссНефти» (3). Причем, за последние четыре года «Славнефть» не ввела ни одного месторождения, а «РуссНефть» запустила последнее месторождение в 2007 году.

Начало промышленной разработки Ванкорского месторождения стало самым значимым отраслевым событием прошлого года. Но за 9 лет «Роснефть» ввела в эксплуатацию всего 16 месторождений

На первый взгляд, активность неинтегрированных компаний в подготовке к разработке новых месторождений невысока: всего лишь 49 месторождений за пять лет. Но это 27,2% общеотраслевого результата, а доля «независимой» добычи — около 10%.

В физических объемах больше всего нефти из новых месторождений в 2009 году получили «Сургутнефтегаз» (9,79 млн тонн) и ЛУКОЙЛ (9,54 млн тонн). И это притом, что новых месторождений у СНГ в 3,5 раза меньше.

За последние годы процесс ввода в разработку новых крупных месторождений несколько оживился. Впрочем, пока таких подвижек недостаточно для обеспечения устойчивой нефтедобычи

Основные объемы «Сургутнефтегазу» добавили два месторождения, введенные в 2004 году: Юкъяунское (3,73 млн тонн) и Северо-Лабатьюанское (3,12 млн тонн), а также разрабатываемое с 2005 года Рогожниковское (1,47 млн тонн). У ЛУКОЙЛа в структуре отдачи от новых месторождений доминирует Южно-Хыльчюское (6,96 млн тонн), полсотни

других месторождений дали в 2009 году 2,58 млн тонн (в среднем, по 50,6 тыс. тонн).

4,11 млн тонн добыла в 2009 году из новых месторождений «Роснефть», 3,32 млн тонн — ТНК-ВР. Российско-британская компания получает существенную отдачу от разработки месторождений Уватского проекта (на Урненском и Усть-Тегусском добыто 1,97 млн тонн нефти) и Верхнечонского месторождения (1,18 млн тонн).

Госкомпания, ставшая преемником всех основных активов ЮКОСа, не особенно стремится расширять базу нефтедобычи за счет самостоятельно начатым проектам. Всего два новых месторождения — Центрально-Хорейверское и Советское — дали за год более 100 тыс. тонн нефти (160 и 189 тыс. тонн соответственно). Отдача от еще 12 проектов, реализованных за пятилетие, измеряется десятками тысяч и даже тысячами тонн в год. Единственным исключением является освоение Ванкорского месторождения, где в 2009 году за первые месяцы промышленной эксплуатации было добыто 3,64 млн тонн нефти.

Начало промышленной разработки Ванкорского месторождения стало самым значимым отраслевым событием прошлого года: впервые в современной истории России отечественная компания своими силами начала разработку новой крупной нефтегазовой провинции. Промышленная разработка Ванкора — это отправная точка для масштабного освоения углеводородных ресурсов Восточной Сибири, для комплексного развития экономики огромного российского региона. Это и реальная основа для диверсификации нефтяного экспорта, выхода большой российской нефти на азиатские рынки.

Приняв месторождение с извлекаемыми запасами 125 млн тонн нефти, «Роснефть» преумножила их в четыре раза, до 520 млн тонн. Осенью прошлого года Ванкор вошел в десятку крупнейших месторождений России.

На начальном этапе Ванкор дает 18 тыс. тонн нефти в сутки, к концу прошлого года добыча

достигла 30 тыс. тонн в сутки. В 2010 году «Роснефть» рассчитывает добыть на Ванкоре 11 млн тонн нефти. На максимальный уровень добычи — 25,5 млн тонн — месторождение должно выйти в 2013 году.

Начало разработки Ванкора стало яркой точкой в отраслевой летописи 2000-х — десятилетия, которое было скупо на события подобного масштаба.

В 2005 году началась промышленная добыча нефти в рамках морского проекта «Сахалин-1». В декабре 2008 года Sakhalin Energy, оператор «Сахалина-2», приступил к круглогодичной добыче нефти (сезонная началась еще в 1999 году).

Помимо Ванкора в 2009 году значимым событием стало начало промышленной добычи в рамках Уватского проекта (ТНК-ВР). Продолжено масштабное освоение Тимано-Печорской нефтегазовой провинции — со значительным отставанием от прежних графиков, но годовая добыча нефти здесь к настоящему времени превысила 25 млн тонн.

В октябре 2008 года «Сургутнефтегаз» начал полномасштабную промышленную эксплуатацию Талаканского месторождения в Якутии, а ТНК-ВР приступила к добыче на Ямале высоковязкой нефти Русского нефтегазоконденсатного месторождения с извлекаемыми запасами 400 млн тонн нефти. Совместно с «Роснефтью» ТНК-ВР реализовала Верхнечонский проект.

ЛУКОЙЛ усилил собственный потенциал нефтедобычи вводом в разработку Южно-Хыльчюского месторождения (Тимано-Печорская нефтегазоносная провинция). А начало добычи на месторождении им. Ю.Карчагина на Каспии ЛУКОЙЛ перенес на 2010 год.

2007 год отмечен, пожалуй, лишь вводом в эксплуатацию пускового комплекса Южно-Русского нефтегазового месторождения. Относительно крупные месторождения ввела в эксплуатацию в 2006 году «Северная нефть» («Роснефть»): Хасырейское и Нядеюское.

И, конечно, одним из самых ярких отраслевых событий стало на-

чало в декабре 2005 года полномасштабной промышленной добычи в рамках Салымского проекта (ХМАО), в котором ключевая роль принадлежит международному концерну Shell. За последующие пять лет добыча нефти здесь выросла до 7,65 млн тонн в год, в том числе в 2009 году — на 20%. Это один из самых динамично развивающихся и высокотехнологичных проектов на территории России.

Обобщая, можно заметить, что во второй половине минувшего десятилетия произошло некоторое оживление процесса ввода в разработку новых крупных месторождений. Впрочем, пока таких подвижек недостаточно для обеспечения устойчивой нефтедобычи.

В 2009 году из новых месторождений (разработка которых начата в течение последних пяти лет) получено 31,21 млн тонн нефти. Это 6,3% в структуре добычи в прошлом году нефти, что несколько ниже результата 2006 года (32,08 млн тонн, 6,7%).

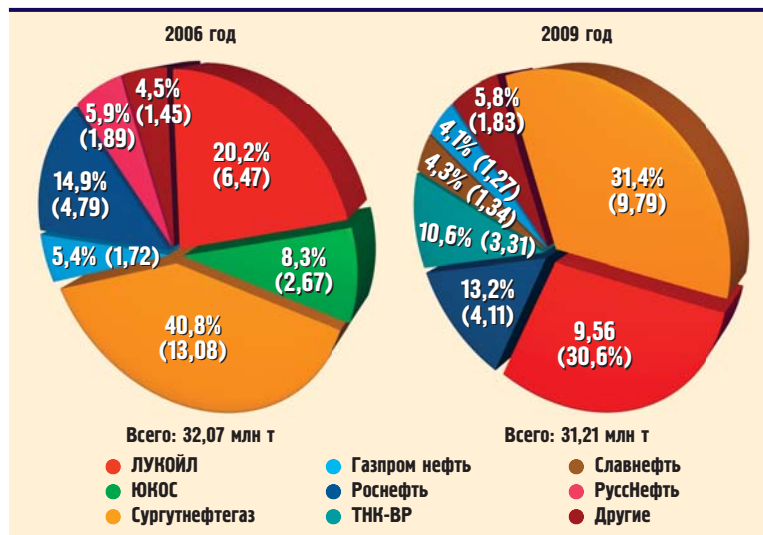
Более существенные изменения произошли на корпоративном уровне: у «Сургутнефтегаза» объем «молодой» нефти сократился на четверть, у ЛУКОЙЛа — вырос в 1,5 раза, в разы выросли объемы у ТНК-ВР (см. «Вклад новых месторождений в добычу нефти»).

Больше всего «молодой» нефти в составе продукции «Сургутнефтегаза» — 16,4%. Его ближайший соперник — ЛУКОЙЛ — имеет долю 10,4%. На третьем месте — «Славнефть» с долей 7,1%. Флагман отрасли «Роснефть» пока не имеет даже такой опоры на «молодую» нефть: здесь ее доля — немногим более 3,5%. Еще меньше надежд на смену поколений месторождений у «Татнефти», «РуссНефти» и «Башнефти», у которых вклад новых месторождений измеряется долями процента (см. «Доля новых месторождений в нефтедобыче ВИНК, 2009 г.»).

Вклад независимых

Как уже было отмечено, на долю добывающих предприятий, не входящих в состав ВИНК, в сред-

Вклад новых месторождений в добычу нефти

нем, приходится 5,8% годовой нефтедобычи на территории России. А без учета трех крупнейших «не-ВИНК» — 3,33%.

Это неоправданно мало для нашей страны, где происходит объективное ухудшение сырьевой базы нефтедобычи. В структуре запасов увеличивается удельный вес старых и небольших месторождений, разработка которых неинтересна крупным компаниям — это потенциальная база для развития малых и средних добывающих предприятий. Однако государственная отраслевая политика не учитывает этого обстоятельства и формируется в расчете на крупный бизнес.

На фоне декларируемого равноправия всех недропользователей, аукционная форма распределения лицензий обеспечивает преимущество крупным и богатым претендентам. К тому же ограниченный доступ к экспортным нефтепроводам вынуждает независимых производителей продавать значительную часть добытой нефти на внутреннем рынке по ценам, не обеспечивающим эффективную норму прибыли (в то время как ВИНК с выгодой перерабатывают нефть на собственных заводах).

Дополнительные проблемы независимым производителям создает плоская шкала НДС — вкладывая значительные средства в технологии повышения нефтеотдачи на истощенных ме-

сторождениях, они платят те же налоги, что и при разработке «фонтанной» нефти.

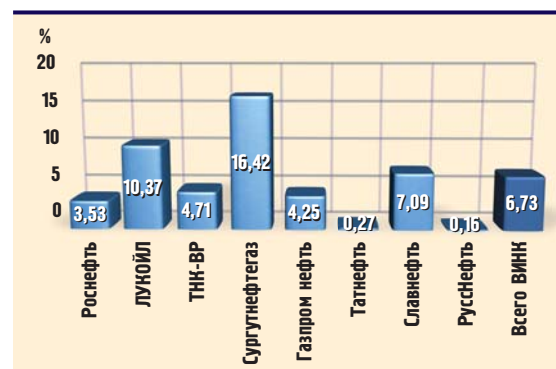
Обвальное падение мировых цен на нефть в конце 2008 года поставило многих независимых производителей на грань выживания. Значительная их часть была вынуждена полностью остановить

Вклад независимых неоправданно мал для нашей страны, где происходит объективное ухудшение сырьевой базы нефтедобычи

на несколько месяцев добычу, чтобы не разориться окончательно. Самые крупные из них довольно быстро оправались от потрясений. Но подавляющей части «не-ВИНК» не до инвестиций в развитие — удержаться бы на плаву.

В результате значительных ограничений потенциал сегмента

Доля новых месторождений в нефтедобыче ВИНК, 2009 г.

неинтегрированной нефтедобычи в России десятилетиями не раскрывается. Значительная часть ранее независимых предприятий влилась в состав вертикально интегрированных компаний.

Особенно ярко эта тенденция проявилась в первой половине

Обвал цен на нефть поставил многих независимых производителей на грань выживания. Значительная их часть была вынуждена приостановить добычу, чтобы не разориться

минувшего десятилетия. Но она сохраняется и поныне. Например, в 2009 году «Газпром нефть» получила контроль над Sibir Energy, которой принадлежит 50%-ная доля в Salym Petroleum Development — операторе самого крупного и динамичного «независимого» отраслевого проекта десятилетия.

В результате ограничений потенциал сегмента неинтегрированной нефтедобычи в России десятилетиями не раскрывается, а основной отряд «не-ВИНК» впал в «застой»

В настоящее время добычу нефти в России ведут около 160 неинтегрированных компаний с суммарной годовой добычей 29,3 млн тонн. Однако заметную роль играют лишь единичные компании. Это, прежде всего, Salym Petroleum Development (7,65 млн тонн нефти в 2009 году), НОВА-

Ситуация такова, что без поддержки государства процесс освоения новых месторождений и более эффективной разработки «старых» запасов может остановиться

ТЭК (3,32 млн тонн) и ЗАО «Самара-Нафта» (1,87 млн тонн). Они обеспечивают почти 44% всей «независимой» нефтедобычи. Причем, теперь SPD наполовину принадлежит «Газпром нефти» — так что, сейчас эта компания если и не входит в ВИНК, то номинально.

Еще 14 предприятий по итогам 2009 года добыли по 0,4 млн тонн и более (вместе — 7,0 млн тонн).

Крупнейшие из них: ООО «Енисей» и ОАО «Негуснефть» (по 0,66 млн тонн), ЗАО «Роспан Интернейшнл» (0,56 млн тонн), ОАО «Комнедра» (0,55 млн тонн), ЗАО «Санеко» (0,53 млн тонн), ЗАО «Колванефть» и ООО «Хвойное» (по 0,49 млн тонн).

На уровень годовой добычи в интервале от 100 до 400 тыс. тонн в прошлом году вышли 38 предприятий. 10 и менее тысяч тонн добыли за год 45 предприятий, в том числе 12 — менее одной тысячи тонн.

Вклад предприятий первой «двадцатки» — 72,6% добычи неинтегрированных компаний. 50 предприятий, замыкающих рейтинг «независимых», — 233 тыс. тонн на всех (0,8% добычи «не-ВИНК» в 2009 году). Расслоение, как можно убедиться, колоссальное.

Рассмотрим более детально динамику нефтедобычи неинтегрированных компаний. Из годового прироста 2,4 млн тонн больше половины (1,32 млн тонн) — заслуга SPD. Еще 0,54 млн тонн прирастила «Самара-Нафта» и 0,59 млн тонн — НОВАТЭК.

Высокие темпы прироста добычи SPD обеспечивает ускоренным вводом в эксплуатацию нефтяных скважин — бурение каждой из них, глубиной около 2,5 км, сейчас занимает не более шести суток, а это в три раза быстрее, чем у соседей, выполняющих аналогичные работы.

Основными акционерами «Самара-Нафта» также являются иностранцы, компанию контролирует американская Hess Corporation, а совладельцем и генеральным директором является бывший президент ТНК и ЮКОСа Семен Кукес. Компания, работающая в Поволжье, ориентирована на динамичный рост: активно участвует в аукционах на участки недр, приобретает уже действующие предприятия, наращивает добычу, вынашивает планы стать в перспективе ВИНК.

НОВАТЭК, как и две другие компании первой «тройки», проводит активную инвестиционную политику. Компания работает на территории ЯНАО, основными разрабатываемыми месторождениями являются Юрхаровское,

Ханчейское и Восточно-Таркосалинское.

За вычетом компаний первой «тройки» объемы группы «независимых» остались на уровне 2008 года (а если точнее, снизились на 2,2 тыс. тонн, или на 0,01%).

То есть основной отряд «не-ВИНК» впал в «застой». При этом разброс очень большой даже среди компаний из верхних строк рейтинга. На 4,8% сократил добычу «Енисей» (–33 тыс. тонн), на 18,7% (–151 тыс. тонн) — «Негуснефть», на 7,4% (–46 тыс. тонн) — «Роспан». В то же время «Комнедра» увеличили добычу на 35,3% (+144 тыс. тонн). Остальные тоже борются за выживание — с переменным успехом.

Взгляд в будущее

Согласно официальным прогнозам, в течение 2010–2012 годов добыча нефти (разумеется, с конденсатом) в России стабилизируется на прошлогоднем уровне: в районе 493–494 млн тонн. Такие ожидания представляются достаточно реалистичными — как минимум, в отношении нынешнего года.

Значительно вырастет отдача от Ванкора, должна начаться разработка каспийского месторождения им. Ю.Корчагина, дадут прибавку другие проекты, реализованные за последние годы, — это с высокой долей вероятности позволит компенсировать падение добычи на старых месторождениях.

Что касается следующих лет, то перспектива стабильного уровня нефтедобычи не столь очевидна. Ситуация такова, что без поддержки государства процесс освоения новых месторождений и более эффективной разработки «старых» запасов может остановиться.

Необходимо совершенствовать налоговое законодательство, признает Минэкономразвития. Но нет и намеков на то, что эту точку зрения разделяет Минфин — а его мнение и в более благополучные времена было решающим. Сейчас, когда госбюджет верстается с огромным дефицитом, мнение Минфина стало еще более неоспоримым.

На сегодня нет никаких признаков, что правительство может пойти в ближайшем будущем на серьезную корректировку налоговой системы в отношении нефтяников (ту же «закручивать гайки» уже некуда, а для снижения налогового бремени не самое лучшее время).

В этом смысле прошлогодний небольшой рост добычи оказал нефтяникам медвежью услугу: правительственные чиновники восприняли его как сигнал отраслевого благополучия. Да и глава МПР России убедил премьер-министра, что с восполнением ресурсной базы нефтедобычи в стране хорошо.

Между тем, если правовая база недропользования не будет улучшаться (причем незамедлительно), добыча нефти будет падать. По мнению Минэкономразвития, до 242 млн тонн в 2012 году. Пожалуй, это слишком оптимистичный прогноз.

Потери могут измеряться десятками миллионов тонн. И, как показывает опыт минувшего десятилетия, при сложившейся системе изъятия в пользу государства нефтяных «сверхдоходов» даже очень высокие цены мировых рынков не помогут раскатать российских нефтяников на трудовые подвиги.

При этом ЭС-2030 ориентирует отрасль на дальнейший рост добычи нефти — до достижения уровня 525 млн тонн к 2020 году и до 530–535 млн тонн к 2030 году (см. «Прогноз поэтапного развития добычи нефти на период до 2030 г.»).

Ожидается, что добыча нефти в европейской части страны будет увеличиваться за счет освоения ее запасов в Тимано-Печорской провинции, на континентальном шельфе арктических морей и в российском секторе Каспийского моря при снижении добычи в Поволжье и на Урале. В Западной Сибири на фоне стабилизации и постепенного снижения добычи нефти в ХМАО-Югре в ЯНАО ожидается позитивная динамика (это позволит стабилизировать объемные показатели в целом по Уральскому ФО, который сохранит за собой позиции главного нефтедобывающего района России).

Прогноз поэтапного развития добычи нефти на период до 2030 г., млн тонн

	2005 г. (факт)	2008 г. (факт)	1-й этап (до 2013–2015 гг.)	2-й этап (до 2020–2022 гг.)	3-й этап (до 2030 г.)
Добыча нефти, всего	470,2	487,6	486–495	505–525	530–535
в том числе из общей добычи:					
Север, Северо-Запад	24,5	29,1	32–35	35–36	42–43
Поволжье	52,7	54,1	49–50	44–45	34–36
Урал	49,2	52,6	45–47	36–41	25–29
Кавказ, Прикаспий	4,9	4,8	7–11	19–20	21–22
Тюменская область	320,2	319,0	282–297	275–300	291–292
Томская область	14,1	13,7	12–13	11–12	10–11
Восточная Сибирь	0,2	0,5	21–33	41–52	75–69
Дальний Восток	4,4	13,8	23–25	30–31	32–33
Источник: ЭС-2030					

В Восточной Сибири ставка делается на освоение и промышленную разработку месторождений нефти в Ванкорско-Сузунском районе на северо-западе Красноярского края, вдоль трассы нефтепровода ВСТО в Красноярском крае, Иркутской области и Якутии (Верхнечонское, Талаканское, Среднеботуобинское, Юрубчено-Тохомское и др. месторождения). Предполагается, что к 2030 году регион прочно обособится на втором месте в стране по добыче нефти.

На Дальнем Востоке центрами нефтедобычи останутся проекты «Сахалин-1», «Сахалин-2», к которым могут добавиться и другие морские месторождения.

Наряду с освоением новых месторождений поддерживать отраслевую стабильность призвано увеличение коэффициента извлечения нефти с нынешних 30–32% до 35–37% к 2030 году. Не слишком амбициозная задача для двадцатилетнего периода, отведенного на ее решение. Тем более что считать можно по-разному.

Например, в Государственном докладе «О состоянии и об охране окружающей среды РФ в 2008 году» есть такая замечательная фраза: «КИН с 1996 к 2007 году возрос с 0,26 до 0,4, тем не менее, при существующей технологии разработки месторождений около 70% нефти остается в недрах». То есть фактический КИН — 30%, а на бумаге — все 40%?

В принципе, прибавлять в среднем за год по 2 млн тонн до-

бытой нефти (на что ориентирует ЭС-2030) — задача для российской отрасли не очень масштаб-

Нет никаких признаков, что правительство может пойти в ближайшем будущем на серьезную корректировку налоговой системы в отношении нефтяников

ная. Главное — избежать падения добычи, тогда и среднегодовой рост на скромные 0,4% — не проблема.

Но решение вопроса стабилизации добычи упирается в рефор-

При сложившейся системе изъятия «сверхдоходов» даже очень высокие цены мировых рынков не помогут раскатать российских нефтяников на трудовые подвиги

му государственного управления отраслевыми процессами. Наверное, без чувствительного падения уровня добычи отрасли не обойтись. Похоже, только тогда прави-

Поддерживать отраслевую стабильность призвано увеличение КИН с нынешних 30–32% до 35–37% к 2030 году. Не слишком амбициозная задача для 20-летнего периода

тельство начнет адекватно реагировать на тревожные сигналы, которые специалисты отрасли безответно транслируют на протяжении многих лет.